

СУДЬБА

Александр Басов планировал выпустить книгу — рукопись насчитывает около 50 страниц личных высказываний его отца. Но по неизвестным причинам книжка эта до сих пор не вышла из рук издателя. Газетная статья, к сожалению, не может в полной мере отразить то, что содержится в материале, тщательно отобранном, "смонтированном" Александром (по профессии он, как и отец, режиссер). Я возлагаю надежду на эту публикацию — может быть, кто-нибудь из добрых людей, любящих и помнящих Басова, откликнется и захочет издать эту книжку целиком.

Синяя птица

С самого раннего детства жила во мне неизвестно откуда взявшееся, совершенно не поддающееся определению, желание подражать, имитировать, лицедействовать. Это было и в детском саду, и в школе, где я изображал испанских грандов и всех мужкетеров подряд, и в театральной студии при МГУ, и даже на фронте...

Меня, двухлетнего, двоюродная сестра, студентка-рабфаковка, однажды притащила в клуб им. Кухмистерова, где выступала в спектаклях "Синей блузы". Там понадобился ребенок, годный в новой боевой агитке изобразить что-то вроде младенца, олицетворяющего мир. Ребенка выносили на руках в финале представления, и он должен был смотреть в зал лучистым взглядом. Наверное, это у меня лихо тогда получилось, потому что до сих пор помню аплодисменты в мой адрес на премьере. Возможно, я даже стал бы любимцем публики и появлялся на сцене каждый вечер, но тут случилась очередная мамина командировка, и моя театральная карьера временно прекратилась.

Последний мой школьный год прошел весь за кулисами МХАТа. Занимался в театральной студии при университете, к нам приходили Ливанов, Андрюшская, Попов. У них мы учились любить театр, его силу и простоту, его тайну и нежность. Я задышался от нежности, когда смотрел "Синюю птицу" с осветительского балкончика. Дрожал от любви и от боли сочувствия, когда давали "Дни Турбиных".

У меня нет интригующей истории прихода в кино, какая есть у других или как иные ее придумывают. Конечно, я мог бы говорить моим зрителям все что угодно. Например, такое. Представьте себе пламя войны, окоп, обросшего солдата, лежащего в луже воды, продрогнутого, голодного, отчаявшегося. И вдруг солдат замечает в синем небе большую синюю птицу. Она кружит и кружит над ним, и, боже мой, какие у нее глаза! Можно бы продолжить эту историю, рассказать, что в синем небе, в синеве глаз птицы мне вновь увиделись красота мира и что я дал себе слово после войны посвятить этой прелести жизни всего себя и потому пришел в кино.

Война

Десятилетку мы окончили 20 июня 1941 года. Надели свои лучшие костюмы на выпускной вечер. Правда, они были не такие нарядные, как у теперешних выпускников, — страна жила тогда нелегко. Но мы считали, что хорошо одеты, девочки подражали своим юбочкам, и все было весело и счастливо. Мы были уверены, что нам открыты все дороги, уже видели себя мастерами спорта, скульпторами, покорителями полюса, артистами. Каждый мечтал о своем. Я был захвачен мечтой о кино. Как я завидовал тем, кто причастен к этому удивительному, волшебному миру! Сколько себя помню — всегда завидовал. Недавно я случайно в своих бумагах нашел старую газету, где в крохотной заметке написано: Вова Басов хочет стать режиссером.

Вместо институтов мои одноклассники оказались в окопах, вместо занятий науками — строевая, марш-броски с полной выкладкой. Сначала пот, мозолистые волдыри из-за неумения правильно наворачивать портянки, потом — борьба с самими собой, кровь.

В начале войны я получил приглашение в Театр Красной Армии, но в моей юношеской голове не укладывалось, как это можно играть, когда нужно палить. Беспощадная статистика времени: мои ровесники, десятиклассники выпуска 1941 года на фронте погибали чаще всех. Наши семнадцатилетние жизни война поглощала особенно охотно, так и не позволив узнать и почувствовать все счастье возраста. Мне надо было выжить, и войну я вспоминаю, несмотря на весь ее ад, самым прекрасным временем в своей судьбе. Именно тогда я познал цену вечным истинам, и основные понятия — нравственные, философские, просто житейские — открылись мне во всей своей определенности. Человек на войне однозначно, нам не надо было прибегать к изысканно тонким нюансам и мучительным копаниям в тайниках души, чтобы понять, хорош человек или плох, друг он или шкура, добр или так себе. Сейчас мы живем сытно, есть у нас все, о чем в годы войны даже мечтать не могли. Но мы разобщены в этих наших комфортабельных квартирах, способ общения — телефон, обходится и без него. А тогда слитность была. Страна. Ты. Окоп. Враг.

Помнится, любили поижонить. Артиллерия — бог войны, а коли так, должны же артиллеристы чем-то отличаться. Пистолет называли, пистолет, гимнастерки носили без портупел, а поверх телогрейка и планшет. Даже шпоры носили — неизвестно для чего, для фасону.

И невесело было. Вспоминается пуг, скамья, попросту сказать, доска на двух чурбаках. Сидят на скамье семеро. В затяжных боях по всему фронту земля дыбилась от артиллерийских ударов с той и с другой стороны. Выглянешь из блиндажа — муравью не уцелеть в этом аду. В таких условиях связь — глаза и уши едва ли не важнее самой артиллерии. Наружный провод ничем не защищен, обрывы один за другим. Сидящий с краю на пуге идет в ад. Его задача — найти обрыв провода, восстановить связь и вернуться в блиндаж. Если вернулся — садится на пуг с краю же, но с другого конца. Снова обрыв! Идет следующий. Он возвращается или не возвращается. А бой все яростней. Из семерых остается шестеро, пятеро, четверо, трое... Очередь на пуге строго соблюдается — неписаный закон.

Из писем матери

...Если сумеешь послать театральную литературу, то пришли ее. Она нужна. Хорошо бы портреты актеров...

...Еще немного, и я в Берлине организую Ку-

Актера Владимира Басова наше поколение впитывало буквально с детства. Мы все выросли на фильмах-сказках — "Приключения Электроника", "Про Красную Шапочку", "Приключения Буратино". А потом, когда мы стали старше, мы открыли для себя его серьезные режиссерские работы — "Дни Турбиных", "Щит и меч", "Битва в пути". И, конечно же, его незабываемые персонажи из фильмов Даниеля, Алова и Наумова.

Когда я увидел в редакторском календарике, что 28 июля Басову исполнилось бы 80 лет, я стал готовить статью: общался со многими родственниками и друзьями, наслушался немало невероятных, красочных историй. Все было как всегда, пока мне не попали в руки материалы, собранные сыном Владимира Павловича Александром. Я долго колебался и понял, что интервью с близкими, рассказов и баек выходило в печати и выйдет еще множество. И это хорошо. Но услышать от первого лица историю жизни и творчества Басова — это чего-то да стоит! И я пожертвовал всем наработанным материалом в пользу публикуемого ниже текста. Если угодно, так могли бы выглядеть мемуары Владимира Басова, которые он не написал. Это его собственный рассказ о себе — спустя 17 лет после смерти.

жизни и творчества Басова — это чего-то да стоит! И я пожертвовал всем наработанным материалом в пользу публикуемого ниже текста. Если угодно, так могли бы выглядеть мемуары Владимира Басова, которые он не написал. Это его собственный рассказ о себе — спустя 17 лет после смерти.

дожественный театр...

...Я — начальник клуба бригады. Должность высокая и ответственная. Я справляюсь хорошо. В моем подчинении — люди старше меня по годам и званиям. Но я их всех держу в ежовых рукавицах.

...Я вчера вылепил из снега бабу на самой передовой линии. Утром озлобленная немчура открыла по ней минометный огонь и сбила...

...Меня наградили медалью "За боевые заслуги"...

...Мне уже двадцать...

По сути, я стал профессиональным военным, меня хотели оставить в строю, поскольку фронтовое образование котировалось тогда гораздо выше, чем академическое. Но я все четыре года войны не переставал думать о другом образовании — режиссерском, и все представлял себе, как сниму фильм о фронте. Позже, после войны, я служил в артолку. Наш полк обслуживал академию. Пошел к маршалу Чистякову. Поговорили с ним о том, что человек имеет право на исполнение мечты, маршал меня вспомнил, отпустил. Выходное демобилизационное пособие ухнул на провода. Шинель продал и купил демисезонное пальто. Так я стал гражданским лицом.

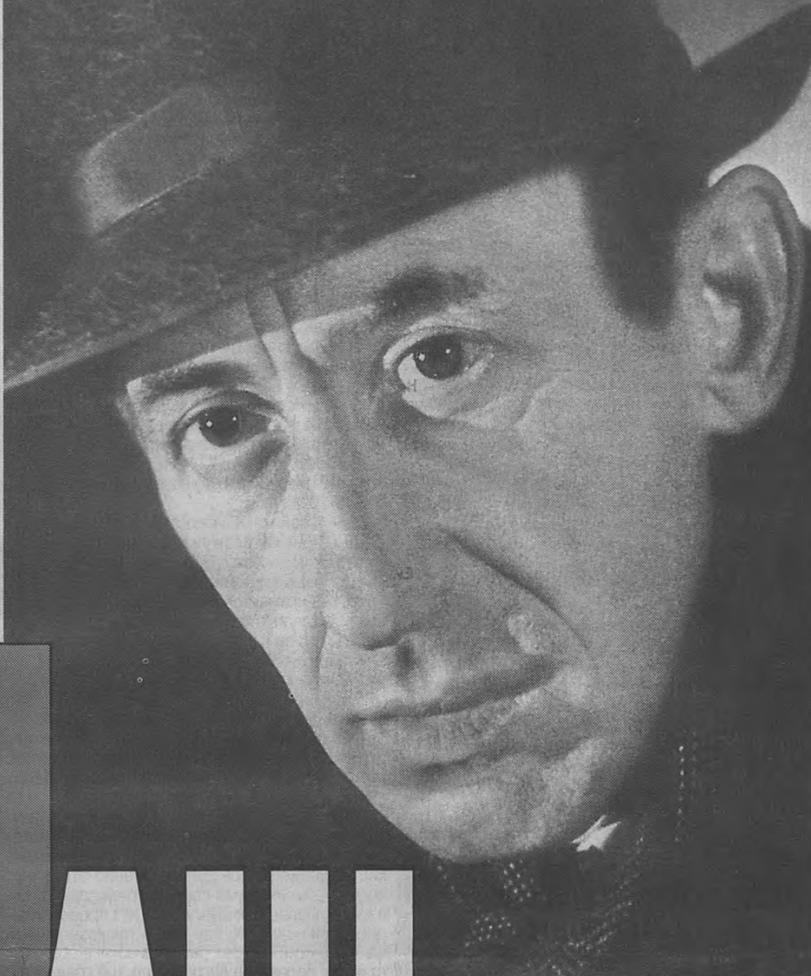

Третья жена Владимира Басова Валентина Титова с сыном Александром.

Профессия — режиссер

Когда в 1946 году я поступал во ВГИК, то не знал, какой факультет выбрать — актерский или режиссерский. Но жизнь сама подсказала и позаботилась обо мне — мастерская тогда была объединенная, актерско-режиссерская. Наша группа застала Эйзенштейна, он вел у нас семинарские занятия. Мне повеселилось, еще учась, работать ассистентом у Юткевича и Пьерьева. Именно работать, а не быть на побегушках. Студенты-фронтвики ценились режиссерами, как говорится, на вес золота.

Я закончил ВГИК в 1952 году, в период так называемого "малокартинья", когда даже многие маститые режиссеры пребывали не у дел. Сейчас уже не вспомню, какие напористые слова и какие требовательные интонации пришлось употребить, чтобы получить самостоятельную работу. Вспоминаю разговор с Михаилом Роммом после съемок картины "Битва в пути". "Как дела, Володя? Доволен?" Отвечаю прямо: "Снилась иначе. Иначе мерещилась". Прищурившись в мудрой улыбке, Ромм говорит: "Даже

Мне было бы скучновато стать, допустим, только "мастером кинокомедии" или "певцом деревни". Стремление к разнообразию — черта моего характера.

Вторая профессия

У каждого режиссера, как правило, есть вторая профессия. Так и у меня — я очень люблю играть и не мыслю заниматься только режиссурой. Первым, кто почуял, угадал во мне актёра, был мой мастер, выдающийся кинорежиссер Сергей Иосифович Юткевич. Мне-то самому всегда казалось, что потаенную мечту лицедействовать знаю в себе только я сам. Тем неожиданнее и приятнее было признание сначала учителей, а затем и друзей — коллег по режиссуре. Но подлинным своим актерским рождением я обязан Георгию Даниеля. Он буквально вытащил меня из монтажной, где заканчивалась работа над "Тишиной", и привел в павильон на съемки фильма "Я шагаю по Москве", в котором я сыграл небольшую роль философствующего "на предмет литературы" полотера.

Мне кажется, я актер современный. Некоторые считают, что играть современно — это "шептаться". Нет, я не "шептун". По-моему, бояться пошевелить мускулом и возвысить голос те, кому нечего выкрикнуть. Если же у тебя имеется за душой пара наболевших мыслей, которыми необходимо поделиться, если ты можешь заворочить своим чувством зрителя, он пройдет вместе с тобой по проволоке над бездной.

Случается, мне предлагают сниматься в главной роли. Удивительно, но при этом пытаются заинтересовать не материалом роли, не характером героя, не какими-то особыми его чертами и поступками, а... метражом. "Вы будете на экране буквально из кадра в кадр!" — сообщают восторженно. Читаю сценарий, внимательно изучаю роль и вдруг понимаю, что она вовсе не главная, не на ней держится действие, строится образ. Это просто очень длинная роль. Все, что можно выразить, вполне вписывается в небольшой эпизод. В то же время эпизодическая роль из того же сценария бывает достойной выразителем серьезного образа-характера. И я беру именно за эту роль, вызывая подчас немалое недоумение членов съемочной группы.

А потом оказывается, что действительно мой проходной на первый взгляд персонаж содержит заряд, смысловый и эмоциональный, во сто крат больший, нежели прочно заполняющий экран главный герой. (И происходит это не потому, что я так уж замечательно сыграл.) Герой — понятие отнюдь не функциональное, не количественное, но качественное.

Актер должен прийти на экран как бы нечаянно и уйти чуть раньше, чем его захотят отпустить.

Отрывки из ненаписанных мемуаров

Мне было бы скучновато стать, допустим, только "мастером кинокомедии" или "певцом деревни". Стремление к разнообразию — черта моего характера.

Мне было бы скучновато стать, допустим, только "мастером кинокомедии" или "певцом деревни". Стремление к разнообразию — черта моего характера.

Вторая профессия

У каждого режиссера, как правило, есть вторая профессия. Так и у меня — я очень люблю играть и не мыслю заниматься только режиссурой. Первым, кто почуял, угадал во мне актёра, был мой мастер, выдающийся кинорежиссер Сергей Иосифович Юткевич. Мне-то самому всегда казалось, что потаенную мечту лицедействовать знаю в себе только я сам. Тем неожиданнее и приятнее было признание сначала учителей, а затем и друзей — коллег по режиссуре. Но подлинным своим актерским рождением я обязан Георгию Даниеля. Он буквально вытащил меня из монтажной, где заканчивалась работа над "Тишиной", и привел в павильон на съемки фильма "Я шагаю по Москве", в котором я сыграл небольшую роль философствующего "на предмет литературы" полотера.

Мне кажется, я актер современный. Некоторые считают, что играть современно — это "шептаться". Нет, я не "шептун". По-моему, бояться пошевелить мускулом и возвысить голос те, кому нечего выкрикнуть. Если же у тебя имеется за душой пара наболевших мыслей, которыми необходимо поделиться, если ты можешь заворочить своим чувством зрителя, он пройдет вместе с тобой по проволоке над бездной.

Случается, мне предлагают сниматься в главной роли. Удивительно, но при этом пытаются заинтересовать не материалом роли, не характером героя, не какими-то особыми его чертами и поступками, а... метражом. "Вы будете на экране буквально из кадра в кадр!" — сообщают восторженно. Читаю сценарий, внимательно изучаю роль и вдруг понимаю, что она вовсе не главная, не на ней держится действие, строится образ. Это просто очень длинная роль. Все, что можно выразить, вполне вписывается в небольшой эпизод. В то же время эпизодическая роль из того же сценария бывает достойной выразителем серьезного образа-характера. И я беру именно за эту роль, вызывая подчас немалое недоумение членов съемочной группы.

А потом оказывается, что действительно мой проходной на первый взгляд персонаж содержит заряд, смысловый и эмоциональный, во сто крат больший, нежели прочно заполняющий экран главный герой. (И происходит это не потому, что я так уж замечательно сыграл.) Герой — понятие отнюдь не функциональное, не количественное, но качественное.

Актер должен прийти на экран как бы нечаянно и уйти чуть раньше, чем его захотят отпустить.

тять. Скверно, когда скучные мысли растянуты на сотни экранных метров. И зрителя это угоняет, и актёра. Я стараюсь присутствовать на экране меньше, играть больше. Роль надо брать "на вес". За короткими появлениями персонажа публика должна угадывать его характер и судьбу. Мне кажется, что загадка в герое — тоже путь к завоеванию зрительского сердца.

Мне нравится играть необычных, странных человечков, озадачивать зрителя: ты думал, я такой, а я вот этаким, привыкай думать не по правилам. Если в моем персонаже нет загадки, если я не нахожу в нем тайны, мне сразу же становится скучно, я отказываюсь от роли. Не люблю играть просто Петра Петровича или Сидора Сидоровича. Материал роли должен нести в себе заряд, который раздвинет бы конкретные рамки характера до широких зрительских обобщений. Тогда это интересно.

Я действительно хочу "объять необъятное" — озвучить мультфильм, спеть песенку на "Голубом огоньке", поставить картину "История одного города" по Салтыкову-Щедрину и сам сыграть всех градоначальников...

Жаль, что не довелось мне сыграть Остапа Бендера. Мой персонаж! Ведь Остап — это живой объектив, зоркий, беспощадный. Как он все вокруг подмечает!.. Из сыгранных в последние годы Остапов мне ближе всего Остап Юрского. Но я все-таки сыграл бы по-другому. У Юрского герой чересчур рационалистичен, он думает, а потом поступает. А ведь в романе одна из главных ремарок — "Остапа несло". Он артист, он купается в каждой своей роли и недаром, когда миллион все-таки добыт, не чаёт, как от него избавиться.

Зато сыграл за свою жизнь людей очень разных профессий: полотера, милиционера, музыканта, контрабандиста, дьякона. И человека совсем уж редкой профессии — продавца пива. Играл даже животных! Для того чтобы, скажем, сыграть Волка в картине "Про Красную Шапочку", надо было не столько изучать волчьи повадки, сколько изобразить человеческое коварство. И вообще старую известную сказку сыграть непросто, обязательно нужно внести что-то новое, свое, ведь просто повторять всем известное — неинтересно.

Моя дочка-второклассница (теперь Лиза сама уже мама, и ее дочка Ариадна с удовольствием смотрит фильмы с участием знаменитого дедушки. — К.Ш.) приводит своих подруг, и мне нравится смотреть, как они, раскрыв рот, разглядывают "живого" Дуремара, хихикают, а потом уходят в другую комнату и там разыгрывают отдельные сцены из "Золотого ключика", вытворяют бог знает что. Как можно сердиться на них за это? Они ведь... повторяют нас. А потом кто-то будет повторять их...

Помню, одна статья про меня называлась: "Человек-мажор". Видимо, потому, что часто играю комедийные роли. Но в жизни я такой же "мажор", как и "минор". Смешное я играю от грусти. Но зачем сравнивать меня с Фернанделем? В одной из статей во мне нашли даже нечто среднее между Бурвилем и Сергеем Филипповым! Преклоняюсь перед искусством этих замечательных комиков, но... лучше обладать именем, чем званием. "Наш Басов" — это другое дело.

Когда я актер, то чувствую себя будто солдат в окопе: можно примериться как следует, оглядеться, окопаться, а потом действовать. А когда режиссер — за исход боя отвечаю именно я. И за поражение и за успех. Не тот артиллерист, кто по команде "огонь!" дергает шнур, а тот, кто корректирует. Не ведение огня, а его наведение — вот искусство. Искусство всегда должно быть наступательным, иначе зачем оно?!

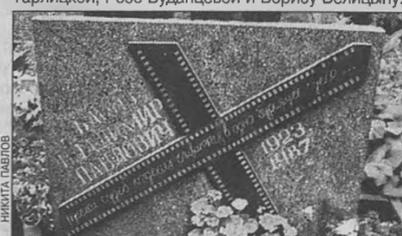
Сын об отце

Последние три года жизни отец был разбит параличом. Несмотря на это, закончил начатую картину, написал два сценария и осилил следующий фильм, последний... Он не верил в смерть. Большую часть времени проводил в постели — курил, смотрел телевизор, читал. Следил за марш-бросками Горбачева, крутил головой: "Неужели дело пойдет? Неужели дожили?" Впал в депрессию. "Не выздоровею. Яда бы мне. Я сам себе противен. Я и движение — близнецы-братья. Жить — значит работать".

"Ты работаешь".
Он махал рукой: "Суррогат".
"Пиши мемуары. Ты же потрясающе рассказываешь, у тебя изумительная память. Запиши все это".

"Когда-нибудь напишу".
А "когда-нибудь" не случилось. Но разве втолкуешь человеку, не верящему в смерть, что надо торопиться?

Спустя какое-то время я перерыл архив и схватился за голову! Он почти ничего не записал. Крохи! Неужели это все, что останется от Басова?! Слава богу, были интервью, статьи, письма, черновики, мои записи его баек. И, к счастью, были люди, в материалах которых сохранилась аутентичная речь и рассуждения отца — в частности, я хочу выразить огромную благодарность Ане Карглицкой, Розе Буданцевой и Борису Велицыну.

"Ручейки судеб людских сливаются в одно бурлящее русло". В. Басов.

— Но почему же сохранилось так мало?
— Смерть всегда внезапна. Есть люди, которые не могут поверить в нее. Умом понимают, что она рано или поздно придет, а сердцем не верят. К ним принадлежал мой отец. Впрочем, в его жизни все было логично. Жил без оглядки, красиво: делал добро, не требуя отдачи, а просто — походя; умер все-таки неожиданно. Для всех нежданно, хотя и знали — болен, давно, серьезно... Не только он сам не верил в свою смерть. Никто в нее не верил.

Подготовил Константин ШАВЛОВСКИЙ.